

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

О пользе грамотности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2358785

Аннотация

«Грамотность – необходима. Это я говорю серьёзно: грамотность совершенно необходима для всех людей, а в особенности для тех, которые занимаются литературой...»

Максим Горький

О пользе грамотности

Грамотность – необходима.

Это я говорю серьёзно: грамотность совершенно необходима для всех людей, а в особенности для тех, которые занимаются литературой.

Я вынужден напомнить об этом по следующей причине: молодой русский литератор, путешествуя «галопом по Европам» и посетив окрестности Неаполя, рассказывает в одной из московских газет: «Рядом – залив Адриатического моря, с другой стороны его отлично виден Везувий». Издревле ведомо, что Неаполь расположен на берегу залива Тирренского моря и залив этот называется Неаполитанским; что же касается моря Адриатического, то оно находится в другом месте, так что молодой писатель, путешествуя «галопом», врёт в карьер. А редактор газеты печатает враньё, не замечая его.

Можно бы и не обращать внимания на этот «анекдот», но мне приходится нередко видеть молодых писателей, и, к сожалению, все они более или менее предрасположены к творчеству именно таких анекдотов. И невольно жалеешь, что они путешествуют галопом, а не пешком, как это делают немецкие студенты.

Современные русские люди вообще приезжают в Европу как будто лишь затем, чтобы посмотреть, как она развалива-

ется, и смекнуть, скоро ли рассыплется в прах и пыль. Спросишь путешественника галопом:

– Как вам нравится море?

Он гордо отвечает:

– Что у нас своих-то морей нету, что ли!

Эта гордость своими морями и презрение к чужим распространяется и на всё, чем богата европейская суша. Например – музеи. В них многому можно поучиться, многое можно понять. Но «гордый росс», снисходительно шагая по помпейским залам Неаполитанского музея, скучно ворчит:

– Не понимаю. Не понимаю.

Казалось бы, если не понимаешь, попытайся понять; понимание – это очень хорошее человеческое дело. А молодой российский литератор «не понимает» для того, чтобы другим ясно было: все что-то понимают, многие удивляются, а вот он, который из Москвы, – не понимает. Даже не хочет понимать.

Другой, галопирующий по залам Уффици, может ошеломить таким умозаключением:

– Чёрт возьми, какая масса красок истрачена!

Кроме музеев и величественных обломков древности, которые тоже хорошо учат понимать прошлое народа, его творчество, его работу, в Европе и по сей день люди работают очень много, упрямо, разнообразно. Крестьянин юга Италии работает на своей земле круглый год, а не пять-шесть месяцев, как русский крестьянин. Факт интересный и способен

навести на размышления весьма поучительные. Не заметно, чтоб этот факт заставил людей размышлять, точно так же, как не заметны для галопирующих путешественников искуснейшие и тяжёлые каменные работы итальянских крестьян. Вообще работа, быт – не возбуждают любопытства молодых россиян. И, когда читаешь очерки их путешествий, удивляешься, как мало люди видели и как плохо видели то, на что взглянули с практической целью – описать. Очень мало обнаруживают интереса молодые путешественники к прошлому и настоящему чужих стран.

Возможно, что есть вещи, не зная которые приятнее, чем зная. Но я – за то, чтобы звать всё. Писатель обязан звать как можно больше.

Молодые писатели мало знают. Очевидно, поэтому они плохо усваивают сходства и различия между вещами, звуками, красками, явлениями природы.

«Верней клади ступень ноги», – советует один поэт, не замечая некоторого несходства между ступней ноги и ступенью лестницы.

Другой рассказывает:

«Бренчит пролётка запоздалым цокотом», – у этого нет ясного представления о звуках: он не понимает, что брэнчать и цокать пролётка не может, что цокают подковы лошади, а не пролётка.

Прозаик пишет:

«Он щёлкнул щиколоткой калитки» вместо – щеколдой.

Другой:

«Мальчишки влезали на крышу по оглоблям бочек», – речь идёт о пожарных бочках, но читатель имеет право думать, что писатель видел бочки, которые были скреплены вместо обручей оглоблями.

Третий пишет:

«Стёпка перестал вертеть задом кадушки».

Четвёртый:

«Собака вертелась вокруг своего хвоста, скусывая репьи».

Пятый:

«Он принял её рассказ многозначительно».

Это напоминает мне фразу из эмигрантской газеты «Руль», тоже очень малограмотной:

«Дожди в Бразилии распределены благоразумно».

Иногда молодые литераторы пишут трогательно: «У него на левом глазу гляделось бельмо. Для своей же матери он был красивей всех детей на свете. Ни за какие бриллианты и золото не рассталась бы она с этим бельмом».

И пишут так прелестно:

«А полночь уже заводила свои звёздные часы гранёным ключиком частого сентябрьского сверчка».

Почти все эти прелести выписаны мною из первых двух книжек журнала «Октябрь» за 1927 год. В журнале этом один из его сотрудников пишет таким языком:

«Это огромный минус, через пару лет он сведёт на нет все наши плюсы».

«Октябрь» редактирует старый, опытный литератор А. С. Серафимович. Он, конечно, может указать мне, что и «зрелые» писатели тоже частенько грешат против русского языка, что в романе М. Шагинян есть: «длинногорлышевая бутылка», «подливки, жареные на сковородках» и много других чудесных вещей, что у Пильняка «рис, так же как и хлеб, может вариться различными способами», что, наконец, Георгий Гребенщиков в журнале «Вольная Сибирь», кн.1, стр.75; пишет так:

«Ни Горький не заразил меня безумством храбрых, ни Лев Толстой, одоббивший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, ни Г. Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму его, потанинское, зная, – никто не сделал из меня своего честного последователя» {Хотя это звучит как покаяние, но в этой форме автор, должно быть, выражает гордость своей независимостью – прим. М. Г.}.

Можно указать ещё немало различных «описок» из произведений именитых литераторов, но эти описки, ошибки и небрежности никого не оправдывают.

Заметно, что молодые поэты не читают своих товарищей-прозаиков, а прозаики не читают поэтов. Отношения строятся как будто только на знакомстве личном или на чтении рецензий, которые нередко пишутся людьми, не умеющими внимательно читать, – пишутся небрежно, неубедительно и без сознания ответственности перед читателем.

Молодой писатель присылает образцы своего творчества, и среди них – рецензия с недопустимым указанием на ино-родческое происхождение автора рецензируемой книги. Когда его спросили письмом: как же он не понимает, что таких штук нельзя делать? – он ответил: «Я ещё обучаюсь».

Но, обучаясь не понимать, он уже пишет строжайшие рецензии о товарищах, а, мягко выражаясь, «снисходительные» редакторы печатают их.

Спрашивая литераторов о литераторах, слышишь в ответ не характеристики творчества, а такие оценки:

«Славный парень». «Весёлый». «Здоровый». «Пьёт». «Бабник».

Это напоминает мне Р. М. Рильке. Когда его спросили: что он думает о Питере Альтенберге, он сказал:

«Кажется, я с ним однажды завтракал на Пратере».

Сейчас молодая литература является коллективным делом класса, который взял в свои руки, в свою волю власть над огромнейшей страной и энергично, успешно создаёт в ней новую культуру, новый быт. Эта работа должна иметь – и она имеет! – неоспоримое воспитательное значение для трудящихся всего мира. Русский рабочий класс вправе сказать, что он наполняет понятие «общечеловеческого» действительно общечеловеческим содержанием, которое осваивается пролетариатом всех стран. Необходимо, чтобы в каждой отрасли труда и творчества, несмотря на различие индивидуальностей, была ясно видна и чувствовалась эта друж-

ная, коллективная, единая сила, творящая новый мир.

От бесед с литераторами и чтения журналов определённо веет затхлостью злейшей «кружковщины», вредной замкнутостью в тесных квадратах групповых интересов, стремлением во что бы то ни стало пробиться в «командующие высоты». Это особенно характерно в таком учреждении, как «Леф», где несколько самохвалов пытаются смутить молодых литераторов проповедью ненужности художественной литературы.

Если А принадлежит к группе Б, то все другие буквы алфавита для него или враждебны, или не существуют. Это бывало и раньше, но не так и не в такой мере. «Реалисты» и «символисты» тоже недолюбливали друг друга, но у них для этого были более основательные причины. Леонид Андреев в одном из своих писем весьма неплохо сказал, что символисты «фабрикуют литературу для купцов, пересаживают Верлена в Замоскворечье Островского, где толстым людям надоело играть в шашки и в стуколку». «Реалистам» было вполне понятно, почему профессор Е. Аничков публично радуется исчезновению с книжного рынка «зелёных сборников» «Знания» и почему на место их являются альманахи другого тона. Но враги читали и знали друг друга; и если А. А. Блок писал рецензию, скажем, о Горьком, так Горький в этой рецензии находил кое-что технически полезное для себя. Враг – хороший учитель. Казалось бы, что и друзьям тоже следует читать и знать друг друга, что друг тоже должен

быть хорошим критиком. Этого не замечаешь.

Например, А. С. Серафимович решительно говорит о Герасимове и Кириллове: «Погибли». Думаю, что старый писатель слишком торопится вычеркнуть из литературы этих талантливых поэтов-рабочих. Столь суровое заявление – уже не критика, а что-то похожее на «смертный приговор». Я нахожу, что так швырять людей нельзя и что такие приговоры – дурной пример для молодых критиков.

Весьма возможно, что некий Ханин, человек явно и слишком молодой, руководствовался именно таким примером в заметке «О творчестве Иосифа Уткина», напечатанной в журнале «На литературном посту». Обвиняя Уткина в «мелкобуржуазном уклоне», он говорит: «Нет человека вообще, а есть человек, принадлежащий к тому или иному классу». Открытие не очень новое. Но я разрешу себе сделать к нему некоторую еретическую «поправку». В коммунистической партии есть немало пришельцев из других классов; это Ханину, наверное, известно. Основоположник и гений партии – не рабочий. Кроме «классового сознания», есть ещё сознание истинности и творческой силы классового сознания, сознания его исторической необходимости быть творцом нового государства, новой культуры. Именно это сознание вовлекло в жизнь рабочих – людей иных классов и дало им силы организовать партию. Коммунизм именно поэтому действительно, единственно и насквозь революционен, что ставит целью своей уничтожение классового общества, классов-

вого человека.

Против «общечеловеческого» в старом смысле этого слова писатель и критик – коммунисты – должны бороться, это неоспоримо; но это – борьба против низкой оценки человека, против неуважения к труду, против физической и умственной лени и безразличного отношения к действительности, против самохвальства, против неуважения к женщине и мещанского распутства, которое ошибочно именуется «скотским», ибо скоты не распутны, – борьба против тех гнусных пороков, которые привиты всем нам классовым государством. Все эти мерзости и множество других – «общечеловеческое», но старое и обречённое на гибель.

В мире уже создаётся другое общечеловеческое, старое понятие наполняется новым смыслом. В отношении к этому факту завет «не вливайте вино новое в мехи старые» – неуместен, ибо здесь и вино и мехи одинаково новы. Казалось бы, что в стране, где рабочий становится полным хозяином государства и где среди множества «общечеловеческих» негодников вырастает всё более людей поразительной творческой энергии, душевной чистоты и талантливости, – в этой стране следует очень хорошо помнить о возникновении нового и настоящего общечеловеческого.

Неправилен и протест Ханина против слов Уткина:

Кипит, цветёт отчизна,
Но ты не можешь петь,

А кроме права жизни
Есть право умереть.

У людей, которым «не по душе» «кипение и цветение отчизны», которые сами себя признают негодными для того, чтобы жить и работать, – у этих людей нельзя отнимать права умереть. Эмигрантам Ханин, манерное, не откажет в признании за ними права умереть?

Отношение к молодым и начинающим писателям не бережно, недостаточно заботливо и внимательно. Критика учит их политграмоте, тогда как должна бы учить литературной технике. Для обучения политграмоте есть люди более осведомлённые и талантливые, чем критики и рецензенты. «Леф» убеждает молодёжь не учиться у классиков, это – совершенно напрасно. Литературной технике, языку надобно учиться именно у Толстого, Гоголя, Лескова, Тургенева, к ним я прибавил бы и Бунина, Чехова, Пришвина. Бояться идеологической заразы – значит не верить в силу классового самосознания.

Литераторы, из рассказов которых я взял малограмотные фразы, не должны обижаться на меня, ибо у меня нет намерения высмеивать их. Я не способен на это, потому что в своё время сам испытал мучительный стыд малограмотности. Через головы молодых писателей я обращаюсь к редак-

торам журналов, в которых напечатаны рассказы с подчёркнутыми погрешностями против техники дела и против языка.

Как же читаются рукописи, если возможны такие обмолвки, описки, ошибки? Редактор – это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его, как воспитывал Салтыков-Щедрин Сергея Атаву-Терпигорева, как помогал встать на ноги Осиповичу-Новодворскому и целому ряду других писателей. Так же отлично воспитывали молодёжь В. Г. Короленко и А. Горнфельд, делали эту работу Викт. Острогорский, А. Богданович, Викт. Миролюбов.

В наше время обязанность редактора – помогать начинающему писателю – особенно ясна, и редактор должен быть ещё более богато технически вооружён, чем названные мною редакторы дореволюционных журналов. Не говоря о том, что редактор должен знать больше писателя, он должен непрерывно учиться своему делу. У нас развивается процесс небывалый никогда и нигде – в литературу идут сотнями люди от сохи и от станка, но это – вовсе не много для страны с населением в полторы сотни миллионов. У многих молодых есть несомненные таланты, почти у всех – огромный жизненный опыт, какого не было у писателей моего поколения, у людей, которые проходили в литературу сквозь гимназию, университет, от хорошей книги, то есть технически вполне подготовленными к делу. Я мог бы назвать среди старых писателей несколько человек, совершенно лишённых таланта и

всё-таки сделавших себе почтенное имя и хорошо послуживших русской литературе благодаря только отличному знанию языка. А сейчас существуют десятки крупно даровитых людей, которые почти не могут толково писать по причине своей технической беспомощности. Вполне возможно, что эти таланты погибнут, не сумев сделать того, что они могли бы сделать прекрасно и прочно, надолго.

Необходимо больше внимания к молодым литераторам, больше заботы о них!